

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

КНИЖНАЯ СЕРИЯ
«ПАМЯТЬ СЕРДЦА»

Нина ДАВЫДОВА
ПО ЛИНИИ РАЗЛОМА

ДЕВЯТЬ ИНТЕРВЬЮ О РОССИИ

Книга 1

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Москва, 2017

Нина Давыдова. По линии разлома. Девять интервью о России. Книга 1. – М.: «Библиотека альманаха «СЛОВЕСНОСТЬ», 2017 г. – 40 с.

ISBN 978-5-9909223-7-2

Давыдова Нина Васильевна – коренная москвичка, окончила филологический факультет МГПИ. Очерки, эссе, репортажи, интервью публикуются в российских и зарубежных СМИ с 1970 г. Училась в школе репортеров газеты «Вечерняя Москва», на 2-х годичных курсах экскурсоводов. Работала в ЦГАЛИ, издательствах, экскурсионных организациях, на радио – автором и ведущей прямого эфира. Член Общества краеведов. Разработала 15 экскурсионных маршрутов, в том числе о выдающихся меценатах, о старообрядческой Москве, о таинственных московских дворах, усадьбах и «домиках старой породы», в которых жили знаменитые люди. Более 500 выходов в эфир с авторскими программами: «Московские зарисовки», «У бабушки московской», «Это – Москва» и др. Составитель и редактор альманаха «Словесность», книг Дмитрия Цесельчука «Это мой дом», «Купавна – чистая тетрадь...», «Сорок лет по дороге в Крым»; альманахов «Вектор творчества – сорок до сорока», «Жизнь как контрапункт» и других. Автор книги «Путеводитель. Москва 2000», аудиокниг «Поэтические вечера на Лубянке. Памяти Ю. Виноградова», «Масонство в русской культуре» в соавторстве с В. Новиковым. Награждена медалью «В память 850-летия г. Москвы». Лауреат литературной премии I-го Всероссийского Сретенского кинофестиваля «Встреча» и литературной премии «Словесность».

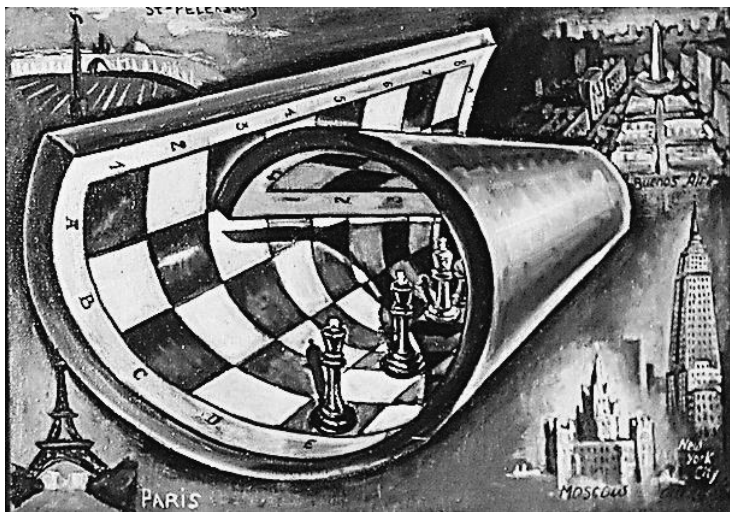
© «Библиотека газеты «МОЛ», 2017

© Нина Давыдова, текст, 2017

© Наталья Пахомова, графика, 2017

© Нина Силаева, графика, 2017

© Марьяна Давыдова, фотография городища
«Старая Рязань» на 1 обложке, 2017

I. НЕСКОНЧАЕМЫЙ ВЕК ПЕРЕМЕН

Эта книга состоит из бесед, разговоров, интервью с людьми непростой судьбы – литераторами, философами и потомками известных российских родов. Прежде всего, это разговор о России и её культурном наследии. О большой стране и людях с большой буквы, о роковых ошибках поистине планетарного характера, отражённых в творчестве писателей, создавших такие произведения, как «Мастер и Маргарита», «Москва – Петушки», в стихах и прозе Марины Цветаевой, в пророческой русской поэзии. О семьях, искалеченных эпохой сталинских репрессий, – Эфронов-Цветаевых, Клепининых, Рябушинских. И о величайшей трагедии России – церковном Расколе середины XVII века.

И в то же время о нескончаемой тяге и любви к этой земле, обострённом чувстве Родины – вне зависимости от ситуаций, в которые попадали наши герои, жившие и живущие в переходные годы. А задумаешься и с удивлением подытожишь, что других-то времён, непереходных, у нас, в России, по большому счёту, и не было. Век перемен в России бесконечен, и когда желают: «И чтобы жить тебе в век перемен!», можно сказать и так: «И чтобы ты жил в России!».

Но тут же и вопрос: «А так ли это плохо – быть участником перемен?»

А эта, тоже привычная, многовековая особенность: всё время ругать то, что ЗДЕСЬ и хвалить то, что ТАМ, чаще всего толком и не зная ту, другую жизнь. А те, которые знают не понаслышке, часто говорят так, как один из героев этой книги: «По-моему, русские везде немножко грустные. Они могут жить в Америке, во Франции и везде их одолевает грусть. Вы не поверите, но я здесь чувствую себя, как дома. Мне тут хорошо. Хотя все противоречия вижу, но понимаю, что можно сделать гораздо лучше, все-таки Россия – это Россия. Как это объяснишь словами? ...Но здесь можно сесть и плакать, и думать, и быть радостным. Здесь это легко, хотя мне трудно объяснить почему».

Книгу читаешь глазами и только предполагаешь, домысливаешь, какие интонации, какой тембр голоса мог быть у собеседников. К счастью, сохранились несколько кассет с интервью, дающими возможность услышать всегда неповторимое звучание голоса именно этого человека, тембр, который с другим не спутаешь, интонации, в которых можно услышать силу переживаний наших героев. Книга состоит из трёх частей. В первой части четыре интервью: с С.Н. Клепининой – об истории её семьи и семьи Цветае-

вых – Эфронов, с Л.И. Лиходеевым о «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, с Г. Ерофеевой о поэме «Москва – Петушки» и её авторе и с А.А. Кондратьевым-Рябушинским о судьбах его семьи. Вторая часть включает в себя три интервью с Ю.В. Мамлеевым. Третья часть – это аудиовидеокнига, состоящая из бесед с вышеперечисленными авторами (кроме Г. Ерофеевой), а также разговор о Расколе и старообрядчестве с А.В. Антоновым, главным редактором журнала «Церковь»; о семье Толстых – Либединских, интеллигентности и писательской среде 20-х – 90-х гг. XX века с Лидией Борисовной Либединской и видеозаписей встреч с Ю.В. Мамлеевым.

II. ОНИ БЕЗУМНО ХОТЕЛИ ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ...

Беседа с Софьей Николаевной Клепининой (1927—2000), журналистом, научным сотрудником музея-квартиры М. Цветаевой в Болшеве, крестницей и троюродной внучкой Зинаиды Гиппиус, записывалась в студии радиостанции «РаКурс» в 1996 г. (радиостанции «РаКурс» выходила в эфир на СВ с 16 марта 1994 года по 31 декабря 1997 гг. на частотах 1359, 1467, 1152 и 792 КГц, одна из немногих в Москве радиостанций, не следовавших форматам коммерческого радио, унаследовала общую некоммерческую направленность от радиостанции SNC, одной из первых в России негосударственных радиостанций (4 января 1991 г.-30 сентября 1992 г., 1260 КГц). Формат «РаКурса» мог быть приблизительно определен как Rock/Talk – Public Radio. Основа своеобразия «РаКурса» – уникальность его эфира: в литературных программах звучало то, чего нельзя было най-

ти больше нигде, так же обстояло дело и с общественными программами. «Ракурс» демонстрировал свою, отличную от общепринятой, точку зрения.)

Софьи Николаевны уже нет в живых, похоронена она на Невзоровском кладбище, что сравнительно недалеко от музея. А музею отдана та самая «большевская дача», принадлежавшая в 30-ые гг. прошлого века НКВД. На этой даче в 30-ые же годы жила **семья Клепининых**, вместе с ними – **Сергей Яковлевич и Ариадна Сергеевна Эфрон**. На эту дачу в 1939 г. приехала из эмиграции **Марина Ивановна Цветаева**. Ее приезд хорошо запомнила двенадцатилетняя Софочка.

Как часто я потом включала в свои авторские программы на радио «Ракурс» фрагменты нашего 2-х часового разговора с Софьей Николаевной! Полностью интервью с С.Н. Клепининой было опубликовано в газете «МОЛ» – литературном издании Московской организации Союза литераторов России – в № 7-8 (15) за 2001 год. Какое счастье, что осталась не только память о Софье Николаевне, но сохранился и её особенный голос, соединяющий нас с блистательным и одновременно трагическим Серебряным веком русской литературы, с людьми, **сломать которых было невозможно, ибо достоинство и честь в истинно русских интеллигентских семьях начала XX века прививались с младенчества**. Студийную запись нашего разговора можно послушать на аудиовидеокниге.

ПАРИЖ

С.К. Я родилась в 1927-ом, родители мои встретились в 25-ом. А пути их сошлись в Париже, постольку, поскольку

ку в те поры после революции, после Гражданской войны в Париже сходились пути очень очень-очень многих российских родовитых, неродовитых – всяких людей. **Отец был белым офицером, он прошел путь от Дона до Константинополя.** Весь Перекоп и Крым, потом печально знаменитый Галиполийский лагерь. Потом Югославия, где в городе Бору уже жил дед, поскольку они уехали из Одессы немного ранее. А мама уехала из России через Финляндию. Так они добирались – один с юга, другая с севера. Оказывается, не все дороги ведут в Рим. Некоторые и очень многие, ведут в Париж. Отец стал литератором. До гражданской войны литературой, в общем-то, не собирался заниматься. Он увлекся Евразийским движением. **И таким образом пути его сошлись с путями С.Я.Эфрона, мужа Марины Цветаевой.** Оставил он после себя несколько книг, огромное количество статей.

Н.Д. Значит, они были изданы на Западе в 20-30-ые годы?

С.К. В 20-ые годы. У отца вообще был очень извилистый путь, он работал в **Русском Богословском институте на Сергиевом подворье в Париже.** Был казначеем института. Позже в этот же институт пошел его младший брат **Дмитрий Клепинин**, который теперь известен всему миру как отец Дмитрий, **он работал с матерью Марией и погиб в немецком концлагере.**

Н.Д. А мама? Она была хранительницей очага?

С.К. Мама, по-моему, по характеру никогда не была хранительницей очага. Хранительницей очага была жившая вместе с нами Анна Дмитриевна Попова. Мы звали ее Аникой. По профессии **мама была художником, училась она, между прочим, у Петрова-Водкина.** А к тому вре-

мени, когда я уже помню, мама, уже, видимо, была вместе с Сергеем Яковлевичем Эфроном и с отцом. Они уже, видимо, работали в той организации, которую тогда они называли советской разведкой. Как они в нее попали, – дело, в общем-то, достаточно темное, поскольку в следственных делах, которые я прочла, речь идет о том, что они шпионы – сначала французские, потом английские, потом немецкие, потом американские и т.д. Я просто реконструирую события, я понимаю, что **они очень хотели вернуться на Родину, безумно хотели вернуться в Россию**, не зная и не понимая, что, как говорила Марина Цветаева, «той страны на карте нет, в пространстве нет». А им казалось, что, из какой страны они уехали, та страна их и ждет. И пошли-то они в советское посольство. Это мы с вами теперь знаем, что в те поры, а, может быть, и в наши поры 99 % сотрудников любого советского посольства на Западе были сотрудниками НКВД.

Знаю я это из рассказов старшего брата, из рассказов Аники, и из других. По-видимому, было так: они пошли в советское посольство, и с ними там очень много говорили, и объяснили им, даже не столько им, сколько отцу, что он виноват перед этой страной, что он воевал против нее в Белой армии. Что он, белый офицер, пусть не думает, что так легко и просто вернуться в эту страну, – он должен искупить вину. Не знаю, что еще ему объясняли, не знаю, заслужил ли он, но искупить-то точно искупил. **Потому что приехал, прожил здесь 2 года, затем 2 года был в заключении, затем был расстрелян, так же, как и мать, так что, искупить-то искупил.** Он никогда не соглашался работать на НКВД. Я сужу по С.Я. Эфрону, он в 1937 году или в 36 году занимался тем, что отправлял добровольцев

в Испанию. Это мы тут немцев кормили – снабжали чем угодно, кричали, что они наши лучшие друзья, а на Западе что такое фашизм, знали все, от мала до велика. И Эфрон занимался вполне почтенной и уважаемой деятельностью. Чем занимались мои родители, я не знаю.

Н.Д. Вот сейчас многие из наших радиослушателей задали бы такой вопрос: Эфрон участвовал в терактах, об этом множество публикаций шло, что Вы знаете об этом?

С.К. Во-первых, должна я вам сказать, как эти книги пишутся. Несколько лет назад вышла книга Василия Яновского «Поля Елисейские». У меня есть привычка читать книгу с алфавитного указателя. Увидела фамилию: Клепинины, нашла нужную страницу, и читаю, значит, такой пассаж: «В 37-ом году убили троцкиста Рейсса». Ну, Игнатий Рейсс никогда не был троцкистом, работал в ВЧК, был в командировке в Швейцарии и отказался вернуться в СССР. В это же время из Парижа неожиданно исчезли супруги Клепинины. Ну, значит, если они не пожелали отдать себя в руки французского правосудия, значит, это они убили, они виноваты. Вот более аргументированных, простите, высказываний мне не попадалось. В том числе и об Эфроне. Недавно в Лондоне вышла книга потрясающего мерзавца Павла Судоплатова, бывшего шефа нашей контрразведки. В ней есть абзац, что долгие годы и десятилетия почему-то считалось, что муж поэта Марины Цветаевой С.Эфрон имел отношение к убийству Рейсса. Это неверно. И далее следует список лиц, которые действительно имели отношение к убийству. Кто-то что-то где-то написал. **И писалось это, видимо, небескорыстно**, как я теперь понимаю. Надо было действительно отвести внимание французской полиции от истинных виновников убийства, которые в это время находились

именно в Париже. И было очень выгодно так спихнуть бы-стренько из Парижа Клепининых и Эфрона и потом черт-те что писать. А раз уж было известно, что убил Рейсса Эфрон, зачем искать кого-то еще. А поскольку Эфрон рвался на родину, наверняка здесь было еще одно, более существенное: ведь если бы его допросили, он бы объяснил, с кем он имеет дело. **За ним ведь никаких грязных дел – у него не было оснований что-то скрывать.**

Н.Д. В каком возрасте Вы из Парижа уехали в Москву?

С.К. В 37-ом году, когда мне было 10 лет.

СЛАВЯНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Н.Д. Мама и отец были из известных дворянских родов?

С.К. Нет. Конечно, нет. Может быть, **мамин род по бабушке известен, потому что это род Корниловых.** Бабушка у меня особа была характерная, она была дочерью Варшавского губернатора, дядя ее был тот самый знаменитый генерал Корнилов, который прославился во время Севастопольской обороны. А отцовский род самый обычный. Ни с какими аристократическими родами не связан. Я росла немножко иначе, чем вы. У меня была всегда своя детская комната. Если к взрослым приходили гости, я выходила в коридор, приседала, говорила «здравствуйте» и уходила в свою комнату. Это было не мое дело. У меня спрашивают: «А вот ты помнишь Марину Ивановну в Париже?». Нет, не помню, никого вообще из взрослых. Ну, может быть, **помню свою крестную – Зинаиду Николаевну Гиппиус**, ибо она была двоюродной сестрой моей бабушки. И **бабушка моя тоже была человек необычный. Она в Одессе первой в России стала мировой судьей-женщиной.**

Что происходило с 8 вечера и до 6 утра, когда меня поднимали в трусах и в маечке – отец у меня был гениальный человек – он, уже приехав зимой в Болшево, выводил меня на застекленную веранду заниматься физкультурой. Никакие взрослые проблемы при мне вообще никогда не обсуждались. Считалось, что у меня есть своя комната, своя жизнь. Капризов не было никогда – не так меня воспитывали, чтобы были какие-то капризы. Кстати, по поводу капризов. Когда привезли меня в Болшево, мудрые мои родители отправили меня в сельскую школу в... Теперь это называется гольфы, да? Тогда это называлось шоссетки, потому что гольфами назывались брюки... В лаковых туфельках на пуговке, стало быть, и в беретике фик-фок на один бок, в сельскую школу – мудрецы. Что за сим последовало, думаю, вы хорошо представляете. В первый день пришла домой с ревом, отец мне говорит: «Ты чего реवेशь?». «А меня мальчишки дразнят». «А у тебя что – рук нет? Ты чего пришла реветь. Иди». Хорошо, что кроме берета был еще и ранец с углами. Я намотала ремень этого ранца на руку и пошла молотить палицей.

Н.Д. После ареста ваших родителей Вы же могли исчезнуть?

С.К. Исчезнуть я не могла. В былые времена считалось, что 10-12-14 лет – это уже взрослый человек, у которого свои понятия. Своя жизнь. Воспитывали меня по-славянски, капитально. Никаких у нас не было нежностей, наоборот. Ну, скажем, у нас такое было в семье правило – обед в 2 часа. Если я заиграюсь и прибегу с улицы в 3 минуты третьего, мне обедать никто не предложит. Я могу сразу идти в свою комнату. У нас никогда насильно не заставляли есть. Спрашивали: «Тебе положить вот это?» – «Положить» – «Хватит?». «Хватит». Но, если я позволяла себе оставить на тарелке хотя бы одну ложку, меня никто не ругал, не наказывали.

вал. Приходили ужинать: у всех ужин, а у меня остатки от обеда. Я говорила «спасибо» и шла спать. И не надо думать, что я все детство ходила голодная. Достаточно меня было один раз оставить без обеда, в следующий раз я приходила за полчаса до. Я до сих пор всюду прихожу за 5 минут до...

И удивительно меня воспитывала еще Аника, человек глубоко верующий. В моей жизни я больше не встречала верующего человека, который прожил жизнь по своей вере. Скажем, я помню, что Аника однажды повела меня в Париже в Ботанический сад, и ко мне пристроилась в песке какая-то девочка. Она – ко мне, я – от нее. Аника говорит: «Ты почему с девочкой не играешь?» – «Она сопливая» – «Ты знаешь, дорогая, сопلي можно вытереть, а спесь на всю жизнь остается». 60 с лишним лет прошло с тех пор, я это помню, как будто мне сегодня утром Аника это сказала.

Н.Д. Современная мамаша сказала бы, не играй с этой девочкой, она простужена, ты заболеешь. И отвела бы в сторону.

С.К. Аника подозвала девочку, вытерла ей сопли. И дальше мы с ней играли нормально.

Н.Д. А Вам помогали в самые черные для Вас времена?

С.К. Поскольку я была дочерью врагов народа, меня не брали на работу, мне было негде жить, были времена, когда я ночевала на чердаках. А потом вдруг родители оказались ни в чем не виноваты, и везде меня стали встречать с распростертыми объятьями.

БОЛШЕВО

Н.Д. Вы вместе с родителями переехали в Россию?

С.К. Отец ехал вместе с Эфроном через Марсель или через Гавр. Мы с матерью и средним братом приехали поездом чуть-чуть позднее, в октябре 37-го года. Старший брат уже жил в России. Он вернулся, как и Ариадна Эфрон, по линии Союза возвращения на Родину. Был такой в Париже. Кстати, организовал его С.Эфрон. А Марина Цветаева вернулась значительно позднее, почти два года спустя вместе с сыном.

Н.Д. А вы приехали в Москву? Или сразу в Болшево?

С.К. В Москву, к деду. В Болшево мы попали только через год. **К этому времени родители так плотно в этой паутине засели, что они не решали – возвращаться или не возвращаться, они должны были делать то, что им прикажут.** У них на беду были дети. Мы хорошо живем сейчас, нам мозги отшибло, ничего не помним, а в записях Марины Цветаевой есть такая: «Время идет, Муру надо в школу, а в какую, не определено...». Значит, **ОНО** не определило еще, в какую школу ему идти.

Н.Д. Значит, **ОНО** определило Вам жить в Болшеве?

С.К. Да, **ОНО** определило, причем, не случайно. Дача эта была построена в 33-ем году для некого Крайского, который на этой же даче был арестован. После него там еще кто-то прожил недолго.

Н.Д. Так же транзитом?

С.К. Точно так же. Мама моя, женщина язвительная, этот дом именovala ДПЗ, что означало дом предварительного заключения.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Н.Д. Вы помните приезд Марины Цветаевой?

С.К. Помню. День был жаркий-жаркий. Это было 19 июня 39-го года. Прежде хочу обратить ваше внимание, что Сергей Яковлевич Эфрон был человеком потрясающе открытым, контактным и добрым. Поэтому все молодые, жившие в этом доме, привыкли висеть на нем гроздьями. Он что-то там, какие-то шарады с нами разыгрывал, какие-то спортивные игры. И поэтому **перед приездом Марины Ивановны** мама моя собрала нас всех и сказала категорически: «Значит так. Приезжает Марина Ивановна Цветаева. Марина Ивановна очень талантливый, гениальный человек, писатель. Так что запомните, пожалуйста, раз и навсегда: с вопросами не приставать, под ноги не соваться, на глаза старайтесь попадаться поменьше». Так что наблюдали мы за этим приездом уже, естественно, из углов. Помню, что я была очень удивлена, потому что в моем понимании писатель – это нечто очень респектабельное, такое величественное в те годы. Я еще не была знакома с Союзом советских писателей, слава Богу, это знакомство произошло значительно позднее. Ну вот, **приехала женщина, в моем понимании – глубокая старуха, на мои 12 лет. А ей было всего 47. Совсем седая. С таким очень нездоровым, каким-то без румянца, – такое лицо сероватое, немножко землистое. Стройная. Худая. Среднего, чуть, может, даже ниже роста. Молчаливая. Замкнутая. Очень легкой походкой, неслышной вошла на крыльцо, сказала «здравствуйте», прошла в свою комнату и закрыла дверь. Я видела Марину Ивановну в то время, когда она была уже не такой, как раньше. Она-то, вероятно, уже многое знала и подозревала. А уж предчувствовала-то**

точно. Она писала, что сюда ехать нельзя ни в коем случае, одна из причин ее отъезда в Россию – нельзя же бросать человека в беде. То есть, **когда Сергей Яковлевич оказался здесь, для нее это было равносильно беде.** Правда, у нее, по сравнению со всеми, было некое преимущество. Она прожила около 4-х лет при этой власти, и была достаточно проницательным и умным человеком, чтобы представить себе, что в конечном итоге вырастет из этого зародыша.

МУЗЕЙ

Н.Д. А как Вы оказались в музее? Как о Вас узнали?

С.К. Это фантастическая история. **Все, что связано с Цветаевой, всегда детектив и всегда фантастика.** До 80-х годов о Болшевском периоде почти ничего не было известно. Жила в Болшеве на даче – это все. Однажды в Калининград, – Калининград сейчас включает в себя Болшево, – приехала директор Музея Марины Цветаевой в Москве Надежда Ивановна Катаева-Лыткина, читать лекцию о Цветаевой и проронила: «Вот здесь, в Болшеве, жила Цветаева». Есть в Болшеве такой настырный мужик Юрий Александрович Кошель, которого заело – как это так, а он не знает?! Пошел прочесывать Болшево и, в конце концов, набрел на 3 бывшие дачи НКВД. А в это время издаются воспоминания А.И.Цветаевой в журнале «Москва», попадают мне в руки, и я нахожу в них некие несовпадения с реальностью. И написала я Анастасии Ивановне письмо на адрес редакции журнала. Мы потом много с ней говорили о ее мемуарах, особенно о том, как она написала о Муре, сыне Марины Ивановны. Нельзя так. Он уже не может оправдаться, некому его защитить. Не был он виновен в смерти матери, не надо вешать на парня то, чего не было и в помине. Я говорила

Анастасии Ивановне: «Вы же сестра Марины, Вы же при-
дали этому силу документа для читающих». Мур не имел ни
малейшего отношения к смерти матери.

А ее, опять же, **ОНО** самое вело очень аккуратно от са-
мого Парижа до Елабуги и загнало **ОНО** ее в этот самый по-
следний угол. **И оставили ей только одно действие, кото-
рое она и совершила...**

Написала я письмо, а попало оно к Н.И.Катаевой-
Лыткиной. Я вдруг получаю от Надежды Ивановны огром-
ное восторженное письмо: «**Вы, оказывается, та самая
девочка Софочка!**»...

Так я приехала сюда. Повезли меня на эту дачу в Болше-
во, путешествие было не из приятных. Потом я стала там
бывать, потом все как-то так странно закрутилось-заверте-
лось, потом подошел 92-ой год, объявленный ЮНЕСКО го-
дом Марины Цветаевой. Горсовет Калининграда, – там по-
падались милые люди, – в один год открыл сразу три музея.
И в моем-то возрасте я вдруг, – мне было неудобно, – пере-
ехала в Болшево.

III. «Я УСТАЛ ОТ ВБИРАНИЯ В СЕБЯ ВСЕЙ ЭТОЙ СВОБОДЫ...»

Интервью с Леонидом Лиходеевым

В 1994 году, в прошлом уже веке, я была автором и ве-
дущей прямого эфира на одной из радиостанций, во мно-
жестве тогда появлявшихся в огромном Радиодоме на Пят-
ницкой. В мае – день рождения Михаила Булгакова, и уда-
лось пригласить интересных гостей. Режиссёр Юрий Кара
тогда только что снял фильм «Мастер и Маргарита», музы-
ку к кинофильму написал Альфред Шнитке, состав актёров

был звёздным, но злключения кинорежиссёра, связанные с этим фильмом, ещё только начинались.

Накануне передачи мы созвонились. Юрий Викторович никогда не был в Радиодоме, и я объяснила, что надо выйти из метро «Новокузнецкая» и перейти трамвайные пути. В этом месте мы потрясённо помолчали, вспомнив Берлиоза. Потом, усмехнувшись, Юрий Кара спросил: «А Вы не боитесь всякой мистики на передаче?».

На следующий день приглашённые благополучно добрались до студии, но до начала прямого эфира ВСЕ выразили сомнение в том, что передача состоится, памятуя свой опыт воплощений произведений Булгакова в кино и на сцене. Но звезды в этот день были благосклонны к булгаковской теме. Всё не только обошлось, но удалось даже сделать запись программы на кассету.

Среди гостей программы были булгаковеды, театральные режиссеры, поэты, актёры, певцы. Исследователь творчества М. Булгакова Борис Сергеевич Мягков {(11.09.1938 – 11.01.2003) библиограф, литературный краевед, исследователь творчества М. А. Булгакова, разработал первые маршруты булгаковских экскурсий по Москве. Автор книг «Булгаковская Москва» (1993), «Родословия Михаила Булгакова» (2001, 2003), «Булгаков на Патриарших»(2008)} принёс подарок – дискету с записью польки, сочинённой самим Михаилом Афанасьевичем, и она прозвучала в нашем эфире. Полька Булгакова – единственное музыкальное его сочинение. А случилось так, что ему было заказано либретто оперы «Рашель», это одно из четырёх либретто, созданных Булгаковым для Большого театра, писалось оно по мотивам рассказа Мопассана «Мадемуазель Фифи». Но при жизни писателя сценического воплощения не получило. Музыка к нему писал Исаак Дунаевский, он-то и записал несколько

тактов, сыгранных Булгаковым на рояле. Елена Сергеевна Булгакова пишет в своем дневнике: «Дунаевский, вообще экспансивная натура, зажёгся, играл, импровизировал польку, взяв за основу несколько тактов, которые М. А. выдумал в шутку, сочиняя слова польки». «Дневник Елены Булгаковой», М., 1990, стр. 208. А слова такие: *«Много танцев есть на свете,/ Но прекраснее из всех/ Только полька, полька только/ У неё всегда успех!»*

Один из приглашённых, известный писатель Леонид Израилевич Лиходеев, попросил ещё до выхода в эфир дать ему возможность выступить первым, сославшись на своё здоровье, что мы и сделали. Для него было важно прийти на эту программу, так как до этого он нигде публично не рассказывал о своём первом чтении «Мастера и Маргариты» в квартире Елены Сергеевны Булгаковой. Этот эфир оказался последним для Леонида Израилевича, он уже тяжело болел, и вскоре ушёл из жизни, но его голос, глуховато-вкрадчивый, сохранился на дискете. Текст беседы с Л.И. Лиходеевым опубликован в газете «МОЛ» в № 5-6 (14) за 2001 год.

– Леонид Израилевич, ходит по Москве история о том, как еще до напечатания «Мастера и Маргариты» Вам удалось прочитать рукопись романа при неких загадочных обстоятельствах в маленькой квартирке у Никитских ворот, где жила вдова Булгакова Елена Сергеевна.

– Вообще-то я удивлен, что об этом знают. Это было такое личное и свое. Я имел счастье быть знакомым с Еленой Сергеевной. Она не давала выносить эту рукопись из дома. По понятным причинам: это опасно было.

– А какие это годы?

– Это был 1961 или 62 год, вот так. То есть опять-таки мистика какая-то. Через год или полтора она была напеча-

тана, эта рукопись, напечатана в журнале «Москва», еще Поповкин был редактор... Но вот тогда, за полтора года, об этом даже подумать было нельзя. Видите, как быстро все менялось!

Она мне сказала, чтобы я пришел часов в семь вечера читать. И я подумал, сколько же я буду читать?.. Ну, уже семь вечера, ну – до двенадцати, больше уже нельзя, надо уходить. Но все равно, я ни слова не сказал. Естественно, я пришел. И она мне сказала так:

«Вот Вы сейчас сядете читать. Часов около двенадцати Вы устанете. Вот ковшик с кофе, Вам придется его согреть. После этого Вы себя очень бодро почувствуете, будете читать дальше. Часа в четыре же Вам захочется есть. Вот, откроете холодильник, на этой полочке бутерброды к кофею. А в девять часов мы с Вами будем завтракать».

Сначала я никак это не воспринял. Потому что, когда я развернул эту огромную папку...

Я только сейчас могу сказать, что то, что стало сейчас уже расхожим, не это меня тогда поразило. Аннушка пролила подсолнечное масло... Ну, пролила и пролила. Просто так выстраивался сюжет.

Меня поразило совершенно другое. Первые несколько часов я был потрясен свободой этого человека. Все-таки к тому времени я был, так сказать, не мальчик, кое-что читал. Но я был поражен свободой, я устал от вбирания в себя всей этой свободы, которая шла с этих самых страниц. Вот от этого я устал.

Я читал медленно. Где-нибудь без пяти двенадцать я захотел кофе. Я согрел быстро кофе. Еще раз немножко назад вернулся. И вдруг почувствовал, что читаю невероятно быстро. Я вообще медленно читаю, стараюсь вникать. А тут я читал невероятно быстро...

– Появились другие возможности?

– Что-то произошло. Ну, вот эта самая свобода человека, не замороженного временем. Таких писателей не было в России, время его не заморочило. Я сразу стал вспоминать, как над ним издевался Маяковский, «под которым» мы все выросли, и т.д. Маяковский показался маленьким рядом с этим романом, который я читал. Я читал дальше, и те самые расхожие ныне повороты как-то не очень восторгали, не главное это было. Главное – это была вот эта свобода изложения, свобода духа, как я это говорю.

Так я читал до половины четвертого, есть захотелось ужасно. Я опять открыл холодильник, там лежали бутербродики всякие.

В половине девятого я перевернул последнюю страницу.

И около девяти часов вошла свеженькая Елена Сергеевна, в своем длинном домашнем платье, в котором она всегда ходила. Вроде ничего не происходило, я просто пришел в гости: «Леня, мы будем завтракать». Ни слова о книге сказано не было. Я чувствовал, что не должен ничего говорить. Потому что действительно я был весь смятен.

Ну, потом, через несколько дней уже, она как-то так поставила разговор, чтобы я мог высказаться. И потом она сказала: «Вы понимаете, это же надо подумать, не надо сразу». И я успел подумать. Дальше я понял, что можно не печататься, можно не писать, но надо быть свободным. Это было новое.

О ней говорят, что у нее были inferнальные какие-то связи. Может быть, это и так. Как-то она заболела, это было летом 1970 г. Позвонила моей жене, они дружили очень. Елена Сергеевна тогда лежала, лежала на черной подушке, всегда клала черную подушку. Так красиво, так ей шло. Никогда не забывала о том, что она женщина. И сказала: «Я

скоро умру, но не говорите, что это очень тяжело слышать. Не печальтесь, я прожила счастливую жизнь, и я сделала все, что обещала Мише. Он издан».

А через несколько дней она скончалась. Вот, собственно говоря, что я хотел рассказать по этому поводу. Еще можно было бы добавить, что она очень любила слушать «Собачье сердце» в моем исполнении, говорила, что вот так и надо читать.

– А я помню воспоминания Лакшина о смерти Елены Сергеевны, Лакшин пишет, что бушевала стихия, была гроза.

– Да, все это так и было, она отошла как Ангел. А Булгаков меня научил: когда говоришь свободно или пишешь свободно, все (слушатели, читатели) чувствуют себя со-участниками. Один писатель говорил: «Когда у Гоголя входит черт, я верю, а когда у иного писателя входит учитель в класс, нет...»

IV. «ПОМОЛИТЕСЬ, АНГЕЛЫ, ЗА МЕНЯ...»

Интервью с Галиной ЕРОФЕЕВОЙ, невесткой и одной из правонаследниц Венедикта Ерофеева, состоялось в год 70-летия писателя, и было опубликовано в «Литературной газете» в № 52 (6204) за 2008 год.

Венедикт Васильевич Ерофеев родился 24 октября 1938, Нива-3, Мурманская область, умер 11 мая 1990, Москва, автор поэмы в прозе «Москва — Петушки», пьесы «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора», эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», книг «Бесполезное ископаемое», «Записки психопата» и др.

*«...Когда я ищу Кремль, я неизменно
попадаю на Курский вокзал».*

(Венедикт Ерофеев, «Москва – Петушки»)

Конец 2008 года был отмечен юбилейной датой: 70-летием всемирно известного писателя Венедикта Ерофеева. В городе Петушки открылась экспозиция, посвященная жизни и творчеству автора знаменитой поэмы. Кто знал об этом небольшом городе с задорным названием на границе Московской и Владимирской областей до того, как его не просто, а всемирно прославил В. Ерофеев?! Более 10 лет говорили о необходимости создания музея, и вот свершилось: не музей, но всё-таки появилось некое литературное пристанище в городской галерее искусств. Интересно, как сам Ерофеев отнёсся бы к увековечению его литературного таланта в Петушках? А может быть, ответ есть в самой поэме: *«И, весь в синих молниях, Господь мне ответил: А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны»*.

– Вот-вот! – отвечал я в восторге. – Вот и мне, и мне тоже – желанно мне это, но ничуть не нужно!» (Венедикт Ерофеев, поэма «Москва – Петушки»)

Более двух часов идёт электричка от Курского вокзала до Петушкова, сиди у окошка, листай поэму, смотри на железнодорожные станции, тщательно перечисленные Венечкой, удивляйся, что написанному уже почти 50 лет.

«Москва – Петушки» переведена на английский и корейский, иврит и эстонский, французский и японский – более чем на 35 языков мира, можно сказать, почти по одному иностранному языку в год. А ведь ещё почти 50 лет назад, до первой, сокращённой публикации в журнале «Трезвость и культура» в 1988-1989 гг., прочитать поэму можно было только в списках, тайком, и для читающего это было совсем небезопасно. Помню, как в институте мы прятались от опасных глаз на нашем Парнасе – балконе на третьем этаже – и переписывали от руки, в спешке литературу, ходившую «по

рукам» – рассказы Ю.Мамлеева, стихи О.Мандельштама и, конечно, В.

Н.Д.: Расскажите о первой публикации поэмы «Москва – Петушки», я слышала, что это была история почти детективная?

Г.Е.: Поэма «Москва – Петушки» была перепечатана женой однокурсника по МГУ Риммой Владимировной Кобяковой. Именно с этой первой перепечатки была растиражирована поэма в России, со всеми ошибками.

Летом 1973 года известный правозащитник, эксперт Борис Исаакович Цукерман привёз в Иерусалим историческую фотоплёнку, с которой были распечатаны и переданы Владимиру Фромеру и Михаилу Левину фотографии на глянцевого бумажного для студенческого журнала «Ами», который в то время они от начала и до конца делали вдвоём. В третьем и последнем номере была опубликована поэма «Москва – Петушки», тираж журнала составлял всего 150 экземпляров, да и он в продажу не поступил, частью был раздарен, а частью разослан в различные библиотеки и русскоязычные издательства. Фромер и Левин даже не знали, существует ли в действительности Венедикт Ерофеев или это псевдоним, за которым скрывается реальная личность. Крупное французское издательство Albin Michel, по-своему понимая авторское право, «не растерялось» и объявило себя правообладателем. Они прекрасно знали, что автор из СССР никогда до них не доберётся.

Самое парадоксальное, что во всех перипетиях, связанных с выходом в свет поэмы, сам Венедикт Васильевич Ерофеев не участвовал – он ни разу не перешагнул порога ни одного издательства, не показал ни одному издателю рукопись своего произведения, не сдал её на редактирование.

Он не искал славы, читателей и почитателей, они нашли его сами.

Н.Д.: Сейчас при вашем участии и при участии вашего мужа Венедикта Венедиктовича Ерофеева выходят в свет «Записные книжки» В. Ерофеева. Как вы считаете, чем они интересны для читателей, литературоведов, историков, прозаиков?

Г.Е.: Подготавливая к изданию «Записные книжки», я видела, насколько В. Ерофеев был разносторонним, широко образованным человеком. Его записи отражают целую эпоху, годы хрущёвской «оттепели», застоя, начало перестройки.

Когда Горбачёв стал первым президентом СССР, В. Ерофеев, описывая радость в доме, делает пометку: «Я очень боюсь за нашего лидера...» Но интересны не только документальные факты тех лет. Видно, как непрерывно шла напряжённая работа со словом: он сочинял и выбирал из языковой и житейской реальности анекдоты, каламбуры, аллюзии, парафразы – словом, все приёмы и разновидности литературной игры, – и зачастую воспринимал окружающее только как повод для неё. Читая, делал выписки, переписывал понравившиеся стихи, записывал свои мысли. Его интересовало всё. Дневниковые записи вёл всегда, даже будучи тяжелобольным. Однажды Владимир Сергеевич Муравьёв сказал мне, что «в записных книжках – диссертация, и не одна, и даже докторская». «Записные книжки» считаются мини-шедеврами ерофеевской прозы. Это дело всей его жизни.

В книге «Москва – Петушки» Ерофеев пишет, что «как бы там ни было – меня выперли. Меня, вдумчивого принципа-аналитика, любовно перебирающего души своих людей... Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха

обо мне говорить». И действительно, за свою жизнь он сменил не одну работу и не одно высшее учебное заведение, во многих областях и весях могли бы быть или музеи, или экспозиции, рассказывающие о его жизни и творчестве.

Попытки получить высшее образование были. У меня есть копии документов из четырёх вузов. В МГУ поступил после собеседования, так как школу окончил с золотой медалью, окончил и первый курс. В личном деле сохранилось заявление на имя декана, написанное, правда, не рукой Ерофеева, но от его имени, с просьбой о пересдаче экзамена по устному народному творчеству. На заявлении – резолюция: ОТКАЗАТЬ. Примерно то же самое повторилось в Орехово-Зуевском пединституте. Затем было скандальное изгнание из Владимирского педагогического университета. В Коломенском пединституте он вообще не задержался: только два приказа – о зачислении и отчислении. Но, несмотря ни на что, образован был прекрасно: знал историю, географию, литературу, музыку. Собрал обширную фонотеку классической музыки.

А если говорить о музеях, то в городе Кировске, на родине Венедикта Васильевича, музей есть. Небольшая комната при Центральной библиотеке имени Горького. Музей небольшой, но это уголок памяти. Есть такой уголок памяти и в Караваевской сельской библиотеке. В селе Елшанка Николаевского района Ульяновской области жили предки Ерофеева. Потомки ерофеевского рода живут там и сейчас. В краеведческом музее районного центра планируют оформить стенд.

А вот в Москве музея нет. Литературный музей Ерофеевым не интересуется. К 60-летию юбилею были организованы вечер и небольшая выставка. В Москве есть сквер с памятником, на площади Борьбы (*Памятник установлен*

в 2000 г., изображает Веничку и его подругу – рыжеволосую девушку «с косой до попы», скульпторы Сергей Манцеров и Валерий Кузнецов. Сквер на площади Борьбы был выбран не случайно: здесь Веничка «выпил стакан кориандровой» по пути с Каляевской улицы на вокзал).

Жуткое зрелище. У нас в семье произошёл такой случай.

Однажды дети захотели посмотреть памятник дедушке, когда приехали, мой сын смотрел, смотрел и спросил:

– А можно его потрогать?

Ну, потрогай.

– Какой-то дедушка страшный. Чёрный-чёрный и холодный-холодный...

Появился ещё проект парка культуры и отдыха в непосредственной близости от «горячительного» завода. Главный парковый фонтан, по замыслу архитекторов, будет увенчан скульптурой Ерофеева. Вместо всего этого в Москве вполне могла бы появиться библиотека имени Венедикта Ерофеева. Да и одну из московских школ можно назвать его именем.

Н.Д.: А кто реально помогал В. Ерофееву, расскажите о его ближайшем окружении, кто-то из известных людей его поддерживал?

Г.Е.: Всё отражено в его записных книжках: «Вот посетившие меня...» – и далее идёт список людей и их занятия. Гостей всегда было очень много, и встреч всевозможных тоже, но: «и снова я один, и музыка, и книг шелестенье». В Питере поддерживала поэтесса Елена Игнатова, с ней познакомил Ерофеева Слава Лен. Поэт Константин Кузминский, легендарный ККК, устроил шумный приём по случаю его приезда, и сотрудники КГБ дежурили возле дома круглые сутки, в какой-то момент Елене удалось вывезти оттуда Ерофеева и скрывать у себя дома, а затем отправить

в Москву. Борис Николаевич Делоне предоставил ему для работы свою дачу в Абрамцеве: ведь у Ерофеева не было на тот момент ни паспорта, ни военного билета, ни прописки, ни средств к существованию. Только благодаря усилиям Галины, его второй жены, удалось получить необходимые документы.

Помогали, когда болезнь уже прогрессировала, Борис Александрович Сорокин, дружба с ним началась во Владимире в студенческие годы; Валентина Николаевна Еселева, знакомая по Орехово-Зуевскому пединституту, она и приютила, и помогала материально, как и Светлана Александровна Мельникова и её сын Николай и невестка Лера, тоже опекали, поселили в домике в Царицыне. Вадим Тихонов и его жена Лидия Любчикова, Валера Котов, Маша Шавырина оберегали, как могли. В доме друзей со студенческих лет Владимира Сергеевича Муравьёва и Льва Андреевича Кобякова мог появляться в любое время суток.

В 1986 году Белла Ахмадулина и Борис Мессерер помогли смертельно больному Ерофееву попасть в Онкоцентр к врачам. Помогали Ерофееву, как могли, до конца его жизни. Их забота была особенно приятна Венедикту Васильевичу.

Последние три года жизни стала для него последним солнечным лучиком глубоко преданная ему Наталья Александровна Шмелькова, литератор, автор знаменитой книги «Во чреве мачехи, или Жизнь – как диктатура красного», в которой она поведала о трёх самых близких для неё людях: писателе Венедикте Ерофееве, художнике Анатолии Звереве и поэте Леониде Губанове.

Н.Д.: А как обстояло дело с читателями и почитателями творчества Венедикта Ерофеева в советские годы?

Г.Е.: Почитатели и читатели были всегда. Сначала это был узкий круг. Переписывали, перепечатывали не только «Москву – Петушки», но и другие произведения. Издания своих произведений он боялся, рукописи не всякому давали почитать и даже по телефону названия не произносили. За это можно было очутиться в психбольнице, могли и выдворить из страны... Когда за рубежом появились первые издания и узнали кто их автор, Ерофеев долгое время укрывался на даче у академика Б.Н. Делоне.

В советские годы в Москве устраивались закрытые международные книжные ярмарки. Допускались туда только проверенные советские писатели, издаваемые за рубежом и, естественно, издатели. По свидетельству сотрудницы одного западного издательства, на одной из таких выставок на стенды выставили французское, немецкое и итальянское издания поэмы «Москва – Петушки». Все решили, что автор Виктор Ерофеев.

Венедикта Ерофеева в Союзе писателей не знали. Ерофеев не стал звёздным писателем, а стал писателем поистине народным.

Н.Д.: И, наконец, о Петушках. Сохранились ли дома, в которых жива память о Венедикте Ерофееве? Как жители Петушкова относятся к творчеству писателя, прославившего их город на 35 языках мира.

«Что тебе осталось? утром – стон, вечером – плач, ночью – скрежет зубовой... И кому, кому в мире есть дело до твоего сердца? Кому?.. Вот, войди в любой петушинский дом, у любого порога спроси: «Какое вам дело до моего сердца?» Боже мой... Я повернул за угол и постучался в первую же дверь».

Г.Е.: Дом в Петушках найдётся, и не один, куда заходил, да и сейчас куда мог бы зайти Венедикт Васильевич. Живут в Петушках люди, которые его помнят. К сожалению, основная часть населения не читала поэму «Москва – Петушки», не знакома с его творчеством. Есть и такие, кто считает, что Ерофеев их опозорил. На самом деле он был влюблён в Петушки. Последний раз проездом в мае 1984 года, провожая сына в армию, в записной книжке написал: «Петушки. Цветение всех трав и деревьев».

Н.Д.: В заключение нашего разговора мне хотелось бы поздравить всех ценителей творчества Венедикта Ерофеева с открытием экспозиции в городе Петушки и закончить нашу беседу с Галиной Ерофеевой словами из поэмы:

*«Помолитесь, ангелы, за меня.
Да будет светел мой путь,
да не преткнусь о камень, да увижу город,
по которому столько томился».*

(Венедикт Ерофеев, поэма «Москва – Петушки»).

V. РАСКОЛ

*Мне б лишь переплыть твои черные ночи,
Мозги бы отмыть от разора и срама.*

Дмитрий Цесельчук

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В ТРЕТИЙ РИМ...

В 1996 году в студии на радиостанции «РаКурс» была сделана запись беседы с уникальным знатоком раскола в русской православной церкви философом Александром

Васильевичем Антоновым, главным редактором старообрядческого журнала «Церковь». Беседа не расшифрована, поскольку А.В. Антонова, я уверена, надо слушать «живьём», его неповторимый, яркий и сочный русский язык вводит нас в атмосферу семнадцатого века, в трагическую эпоху споров новообрядцев и староверов.

ИСТОРИЯ ЗНАКОМСТВА

А можно ли сегодня, в наше время, поближе познакомиться со староверами? Существует такое распространённое мнение, что к ним лучше и не ездить, что злые они не к своим, просто выгонят и разговаривать не станут. Но всегда же хочется на себе проверить. И вот несколько лет тому назад, холодной осенью, надев длинное, в пол, пальто и повязавшись большим павлопосадским платком, поехала я на Рогожское кладбище, что недалеко от Таганки. Увидела сначала современные дома-башни, они будто закрывали от шоссе несколько церквей, кладбище и небольшой домик, на котором было написано, что здесь находится представительство русской православной старообрядческой церкви. Ну, думаю, была – не была, вот звоночек. Открывает мне немолодой мужчина, одетый во что-то очень простое, но явно старинного кроя, глаза весёлые, весь улыбчивый. Я растерялась.

– Здравствуйте, вот занимаюсь историей выдающихся купцов-меценатов, среди них много старообрядцев, а про староверов знаю немного, поэтому и приехала сюда, узнать побольше.

– Вот и хорошо, проходите, как раз сейчас есть у нас человек один, лучше, чем он, никто не расскажет, вот в эту

комнату проходите, садитесь, знакомьтесь, поговорите. И, обращаясь к человеку в комнате:

– Помоги, Александр Васильевич, расскажи нашу историю, прошу тебя.

Комната небольшая, со старинными образами на стенах, особенным запахом ладана и восковых свечей. Спокойно и хорошо, как будто пришла я к своим близким в гости. И это чувство при общении со старообрядцами так и осталось с тех пор.

Александр Васильевич представился.

– Антонов, главный редактор журнала «Церковь», окончил философский факультет МГУ. Дел много, но я не могу Вам не помочь, меня сам архиепископ попросил, глава Старообрядческой церкви Белокриницкого согласия, это он Вам дверь открыл.

Ну, не чудеса ли! Так началось наше уже многолетнее знакомство с А.В. Антоновым, потом я его не единожды приглашала на свои радиопередачи, сохранились записи наших разговоров, а, скорее, блистательных монологов Александра Васильевича, год назад одну из плёнок оцифровали и выложили в интернете на сайте радио «Ракурс». Ещё разработала я большой экскурсионный маршрут по старообрядческой Москве, эту тему заказывали и из администрации президента, и даже сами старообрядцы во время своих конференций.

За эти годы А.В. Антонову удалось, ценой беспримерных усилий, восстановить старообрядческий храм Николы у Белорусского вокзала. А через год после нашего знакомства на Освященном Соборе Московская архиепископия стала Митрополией, а архиепископ Алимпий, тот самый, что дверь мне открыл, стал именоваться Митрополит Москов-

ский и всея Руси Алимпий (Гусев), предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви.

И что же – всё так елейно, да благостно, вот колокола вернули в храмы, вот несколько церквей отдали, и там уже службы идут по древнему чину, с двуперстным сложением, с лестовками. Мужчины в кафтанах, женщины в сарафанах, большие платки укрывают плечи молящихся, они не повязаны, а заколоты под подбородком, молятся истово, с земными одновременными поклонами, женщины стоят отдельно от мужчин, по храму во время богослужения не ходят и чужих не пускают, потому что ничто не должно мешать общению с Богом.

Кто же они – староверы, раскольники, старообрядцы? Сразу вспоминается, конечно, боярыня Морозова с картины Василия Сурикова – с двуперстным знаменiem, вся иссохшая, истовая. По ассоциации с ней – протопоп Аввакум, сожжённый на костре за веру. Кровь лилась рекой, костры самосожженцев страшным дымом нависли над Россией. С середины XVII века по всему миру расселились старообрядцы. Отчего же так разметало русских людей? Недавно по каналу Культура был показан фильм-фреска РАСКОЛ, двадцатисерийное повествование об одном из самых трагических событий русской истории – расколе в русской православной церкви. А раскололась-то в результате вся Россия. Так из-за обрядов ли шла жестокая схватка, с уходом – бегством из обжитых родных мест, с отказом молиться за царя? Нет, из-за утраты веры в высшую справедливость, в мессианство православной России. Фильм «Раскол» вызвал бурю дискуссий, в основном среди историков, богословов, старообрядцев и тех, кто снимает кино. Обычный зритель мог оценивать только на уровне «понравилось – не понравилось». И это при том, что за последние почти 350 лет раскол так и

не преодолен: только в Москве действует несколько старообрядческих храмов разных согласий: на Преображенке поморские и федосеевские беспоповцы; на Рогожской поповское белокриницкое согласие. Сохранились дома конца XIX – нач. XX вв. известнейших староверов, великолепные памятники архитектуры эпохи модерна – особняки Рябушинских, Морозовых, Кузнецовых и многих других. Но попробуйте задать вопросы о староверах простым москвичам, и вы окажетесь в тупике: об этом «краеугольном» и в каком-то смысле даже определяющем нашу современную жизнь вопросе большинство, и даже много более большинства, имеют самые невероятные представления. Вам даже могут сказать, что староверы это люди неправославные и интересоваться этим вовсе незачем, так, сектанты какие-то. И мало кто знает, что в 1971 г. на Поместном Соборе Русской Православной Церкви были отменены все проклятия на старые обряды, более того, старые обряды признаются спасительными. Но старообрядцы к воссоединению не готовы, и много доводов против воссоединения церковей приведут вам. И увидите вы тот особый взгляд, как будто из XVII века, «аввакумовский», бескомпромиссный. Вот такая она русская душа: или всё, или ничего. Так и увидела я староверов: и улыбчивые, и поговорить интересно, но крепче кремния, если вопрос касается обретения «Царства правды».

Поэтому, мне кажется, необходимо познакомиться с рассуждениями старообрядца, подвижника, интеллигентнейшего и многознающего человека, Александра Васильевича Антонова, разговор с которым представлен в *аудиовидео*книге.

МЫ, РУССКИЕ, ТЯГОТЕЕМ К КРАЙНОСТЯМ...

Середина 90-х прошлого века. Помню солнечный августовский день, не очень жарко. По небу, как ладьи, плывут сказочного вида облака. Мы сидим на лавочке с необычным ещё тогда для Москвы человеком. В месте, как будто не слишком расположенном для знакомства и беседы: на Рогожском старообрядческом кладбище. Мой собеседник –

Анатолий Анатольевич Кондратьев (А.А. Кондратьев, 13.03.1930, Париж – 11.01.2007, Нью-Йорк, внук выдающегося учёного Дмитрия Павловича Рябушинского. Его отец – Анатолий Митрофанович Кондратьев, уроженец Крыма, белый офицер, в эмиграции стал архитектором. Полный текст интервью (аудиозапись) представлен в прилагаемой аудиовидеокарте).

Хотя и Кондратьев, но внешнее сходство с Рябушинскими налицо: 2-х метровый, очень даже не худой, а, главное, «фирменная» рябушинская «бычья» шея. Пока он шёл по кладбищенской дорожке к лавочке, умирительно было видеть рядом с ним его жену-француженку: ему чуть выше пояса, худенькая, изящная, в руках, кроме маленькой сумочки, громадный пиджак мужа. Рядом с ними приближается ко мне тоже немаленький, в рост Кондратьеву, почти с такой же шеей Николай Львович Толоконников, видно, что тоже из Рябушинских, но живёт с рождения в России, он-то, мой давнишний уже знакомый, и знакомит меня с А.А. Кондратьевым. Вот удача, и я включаю диктофон.

– Да-да, первый раз приехал на Рогожское. Ведь здесь были похоронены первые Рябушинские, которые основали эту семью. Меня сейчас очень интересует история моей семьи, стараюсь побольше разузнать. Хочу, чтобы о ее заслугах не забывали.

– Вы считаете, что это нужно для России?

– Да, это часть ее истории. Рябушинские не были обыкновенными людьми. Они начинали очень просто. Простые крестьяне. Начинали с ничего. Только работали. Они знали, как надо работать и как не тратить деньги впустую. Накопили капитал, стали богатейшими людьми. Очень много отдавали на больницы и школы.

– У Вас в Нью-Йорке сохранились какие-нибудь семейные реликвии?

– Да, у меня есть много документов, фотографий. Я хотел бы, чтобы все это было в России, в Москве, в городе, где жила наша семья. Я хотел бы устроить что-то вроде музея семьи Рябушинских.

– Семья Вашего деда вынуждена была после революции бежать из России. Родственники, кто остался, были расстреляны в 37-м. А Вы думаете о создании музея. Почему?

– Русский народ добрый.

– Разве добрый народ может так безоглядно все уничтожать?

– Видите ли, мы, русские, тяготеем к крайностям, все отсюда. Когда несколько лет назад начались перемены в России, мой отец захотел вернуться на родину, но ему было уже почти 90, ехать не мог, поздно.

– А в каком году умер Ваш дед, Дмитрий Павлович, смог ли он как учёный реализовать себя в эмиграции?

– Ну, он очень много работал, работал в аэродинамике, во время войны работал во Франции. Было очень тяжело жить, но я знаю, что здесь, в России, было гораздо тяжелее. Я не знаю, имел ли он отношение к французскому сопротивлению, но что у него с немцами не было никаких контактов, это точно. Умер он в 1962 году, ему было ровно 80 лет. Он всегда считал себя русским, во Франции создал

общество русских культурных связей, хотел, чтобы русские всё время думали о России и сохраняли то, что им удалось создать в разных областях.

– Когда Вы первый раз приехали в Россию, Ваши первые впечатления?

– Первый раз я приехал в мае 1993, в Москве я 4-й раз. Помню, как решил разыскать Кучино: там была наша дача и аэродинамический институт. Знал, что это около Москвы, но где: на севере, на юге – не знал. Оказалось, на востоке. Но и там мне никто не мог сказать тогда, где же это место. И тогда я достал Спутник на английском языке, издание 1937 г., для иностранцев, которые приезжали в Советский Союз. И там был маленький план, где они показывали бывшие имения аристократов и богатых людей... В Кучино осталась от времени Дмитрия Павловича маленькая такая башня, дом был разрушен, остались бывшие конюшни, превращённые в жилища, там люди живут. Кажется, в 60-е гг. там построили Метеорологический институт на основе лаборатории. Я познакомился с сотрудниками, они меня очень хорошо приняли. О существовании деда они знали, но основателем аэродинамики в России считали Жуковского, в годы коммунизма об учёном – Рябушинском не было сказано ни слова, а в 1950 г. был сделан фильм о Кучино и дедушку моего показали как злодея. Дмитрий Павлович, когда увидел фильм, очень переживал. Он до этого собирался все свои работы отдать в Россию, он был очень расстроен. Это была глупая, злая и неточная история.

– Вы чувствуете связь со старообрядчеством?

– Живя в Нью-Йорке, это очень сложно, я очень мало об этом знаю, но я верующий человек, я православный, почти каждое воскресенье посещаю церковь. Здесь, на Рогожском, я хотел разыскать могилы предков, но никакого

камня, никакого креста нету, никто не знает, где они были похоронены...

– Здесь говорят, что слишком красив был мрамор, и его использовали при облицовке станций метро. Казалось бы, жить в чистом, сверкающем Нью-Йорке или Париже спокойнее, чем в нашей непредсказуемой России. И потом, Вы же видите, мы, москвичи, улыбаемся не часто, Вы обратили внимание, сколько на улицах грустных лиц?

– По-моему, русские везде немножко грустные. Они могут жить в Америке, во Франции и везде их одолевает грусть. Вы не поверите, но я здесь чувствую себя, как дома. Мне тут хорошо. Хотя все противоречия вижу, но понимаю, что можно сделать гораздо лучше, все-таки Россия – это Россия. Как это объяснишь словами? Мы с Вами сидим сейчас на Рогожском кладбище – оно не похоже ни на одно из тех, что я видел. На Новодевичьем, например, чисто, порядок. А Рогожское – дикое кладбище. Но здесь можно сесть и плакать, и думать, и быть радостным. Здесь это легко, хотя мне трудно объяснить почему...

Мы долго ходим по кладбищу. Рябушинские связаны кровными узами с одним из самых почитаемых священников Рогожского, отцом Иоанном Матвеевичем Ястребовым. Переносимся в начало XIX века. «Крепкий адамант и твердый хранитель святоотеческих законов и древлецерковного благочестия» о. Иоанн в роковом 1812-м уберёт кладбище от разорения французами, причем, самым остроумным способом. За несколько дней до вступления Наполеона в Москву в подвалах рогожской часовни неожиданно возникает ряд свежих «могил», и страшный слух о появлении на Рогожском чумных больных быстро распространяется по всей Москве... Этого было достаточно, чтобы ни

одного французского солдата не оказалось даже в рогожских окрестностях. Свою внучку, Анну Семеновну Фомину, И.М. Ястребов выдал за Павла Михайловича Рябушинского – предпринимателя, банкира и мецената.

А в тот августовский день на Рогожской потомков Рябушинских принял митрополит Московский и Всея Руси Алимпий. Впрочем, слово «принял» в тех обстоятельствах весьма условно: на улицу, рядом с маленьким зданием Митрополии, вынесли несколько стульев, и всё быстро решилось. Митрополит Алимпий обещал свою помощь в ходатайстве перед властями о выделении на Рогожском кладбище места, где можно было бы поставить памятный знак о бывших здесь некогда захоронениях.

Прошли годы и стараниями митрополита Алимпия, А. Кондратьева, Н. Толоконникова и других, был установлен памятный знак на кладбище. И потомкам Рябушинских есть теперь куда прийти.

И есть Россия, куда можно приехать. Можно ли будет всегда?

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕСКОНЧАЕМЫЙ ВЕК ПЕРЕМЕН, кн. 1	3
II. ОНИ БЕЗУМНО ХОТЕЛИ ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ <i>Беседа с Софьей Николаевной Клепининой, кн. 1</i>	5
III. «Я УСТАЛ ОТ ВБИРАНИЯ В СЕБЯ ВСЕЙ ЭТОЙ СВОБО- ДЫ...» <i>Беседа с Леонидом Израилевичем Лиходеевым,</i> <i>кн. 1</i>	16
IV. «ПОМОЛИТЕСЬ, АНГЕЛЫ, ЗА МЕНЯ...» <i>Интервью с Галиной Ерофеевой, кн. 1</i>	21
V. РАСКОЛ, кн. 1	29
1. ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В ТРЕТИЙ РИМ, кн. 1	29
2. МЫ, РУССКИЕ, ТЯГОТЕЕМ К КРАЙНОСТЯМ... <i>Беседа с Анатолием Анатольевичем Кондратьевым,</i> <i>внуком Дмитрия Павловича Рябушинского, кн. 1</i>	33

Союз литераторов России
Библиотека альманаха «Словесность»

Книжная серия
«Память Сердца»

Нина ДАВЫДОВА
ПО ЛИНИИ РАЗЛОМА
ДЕВЯТЬ ИНТЕРВЬЮ О РОССИИ
Книга I

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

Бумага офсетная
Гарнитура Charter
Тираж 100 экземпляров
Сдано в набор 24.05.2017
Подписано в печать 26.05.2017